

БЕЗБОЖНИК

Марийцы на молитве (рисунок с натуры).

в могиле, то химический состав его в обоих случаях будет одинаков, и разница будет только в том, что кремация в 36.000 раз быстрее превращает труп человека в пепел, при чем здесь исключены процессы разложения, гниения, образования червей и зловония.

Только при Советской власти, когда кладбища были национализированы, декретом Совнаркома от 7-го декабря 1918 г. вопрос о кремации был, наконец, разрешен в положительном смысле.

Произведенное в том же году обследование некоторых кладбищ дало кошмарную картину. На Чесменском, Александровском и других кладбищах в Ленинграде осенним разливом воды были размыты могилы, трупы выплывали наружу и отравляли воздух запахом разложения.

Требовались срочные меры для ограждения общественной безопасности и с марта 1920 г. на Васильевском острове стал воздвигаться первый в СССР крематорий. В декабре того же года здесь было произведено первое сожжение, а за 2 последующие месяца число сожженных трупов достигло уже 379 ч. В конце прошлого года—крематорий был открыт и в Москве. Сейчас по столам Москвы и Ленинграда пошли и многие другие города: Харьков, Киев, Омск и т. д.

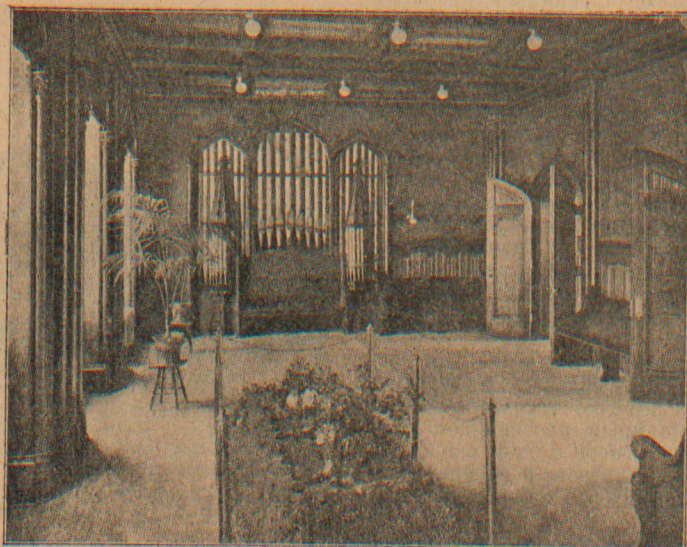
Нам остается еще рассмотреть вопрос о том, какова техника сожжения в крематориях и чем диктуется сейчас необходимость распространения кремации у нас?

Крематории, как это видно, из помещенных фотографий, представляют собою большую часть грандиозные постройки.

При крематориях обычно имеются следующие помещения: морг,—место для хранения трупов перед сожжением; зал прощаний—где родственники и друзья покойного в последний раз прощаются с ним. Из морга в «зал прощаний» гроб подымается на лифте. С лифта он скатывается и становится на катафалк. В камере, где и происходит сожжение, гроб вкатывается механически.

На Западе залы прощаний устроены чрезвычайно роскошно; тут имеются: орган, тропические растения, художественная роспись стен.

Самый процесс сожжения происходит в особых камерах, размерами лишь немногим превышающих величину гроба (см. рис.), выложенных огнеупорным кирпичем и имеющих пол со щелями, через которые проваливается пепел. В стенках камеры имеются отверстия каналов для притока горячего воздуха из нагревателей для впуска генераторного газа при разгаре печи и для выхода продуктов горения. В одной из стенок находится отверстие для ввода гроба с прахом, закрываемое особо устроенными дверцами. Сожжение, таким образом, происходит не огнем, а струей горячего воздуха с температурой 900—1000 градусов. Весь процесс сжигания трупа длится всего-навсего 1—1½ часа. Пепел, получившийся от сожжения, спадает в особый сосуд, где он быстро охлаждается, после чего заделывается в особые капсулы, а капсулы закупориваются

Зал для посетителей в одном из заграничных крематориев.

в урну. Урна остается или в крематории, в так называемых колумбариях, или же выдается родственникам на руки.

Во избежание недоразумений, обычно в гроб с покойником кладут дощечку с номерком, сделанную из огнеупорной глины. Сохранившись после сожжения, эта дощечка безошибочно указывает—чей пепел хранится в урне.

В некоторых крематориях Западной Европы дело сжигания настолько усовершенствовано, что начиная от процесса подачи трупа из морга и кончая появлением готовой урны с прахом покойника, все делается без малейшего прикосновения человеческой руки—все производит машина в каких-нибудь час—25 минут.

Процесс сожжения не закрыт от взоров посторонних. Его можно наблюдать через маленькое окошечко, сделанное в стене камеры.

Колумбарий представляет собою обычно большой зал с множеством углублений в стенах, предназначенных для хранения урны с прахом. Очень часто углубления заделываются металлическими дощечками, содержащими надпись—чей прах хранится в урне.

Кроме колумбариев, урны хранятся также на кладбищах. Это, обычно, красивые парки, где среди цветов, покрывающих целые десятины земли, на красивых памятниках-пьедесталах, разбросаны сотни тысяч урн.

Помимо внешней привлекательности кремации распространению ее способствуют и более веские аргументы. Прежде всего—это хозяйственные соображения страны.

В СССР ежегодно умирает около 4 миллионов человек, для которых требуется около 4 миллионов квадратных сажень земли. В одну и ту же могилу из года в год хоронить нельзя. Срок, после которого могилу можно вновь раскапывать и класть в нее новый гроб, продолжается 25 лет. Следовательно, для того,

чтобы узнать—какое у нас количество земли занято под кладбища, необходимо четыре миллиона квадратных сажень помножить на 25. Получится не мало не много как сто миллионов квадратных сажень. Интересы расширения посевной площади и подема народного хозяйства, таким образом, настоятельно требуют введения у нас кремации.

Того же требуют и интересы здравоохранения.

При разложении трупа в земле, даже при самых благоприятных условиях, никогда не достигается полное уничтожение бактерий, являющихся распространителями заразы. Всякое новое погребение в землю есть прибавление лишнего очага заразы, лишнего источника эпидемий.

Таким образом, все данные говорят в пользу кремации и нет сомнения, что она получила бы широкое распространение в ближайшее время, если бы не сталкивалась с религиозными предрассудками людей. Распатывая один из вековых обрядов, на которых покоилась религия, разлагая человеческий организм на глазах у всех на его составные элементы, кремация ставит перед верующим человеком ребром вопросы—о сущности жизни, о душе, вечности, загробном мире. Она колеблет авторитет религии и потому церковь всячески будет тормозить распространение у нас кремации.

В этой борьбе с кремацией, церковь не будет одинока. Ее будут поддерживать все те, кто через религию ищет возврата к старому—это классовые враги трудящихся, кулаки, неппманы, торговцы и прочие буржуазные элементы.

Это необходимо предвидеть и в антирелигиозной пропаганде уделить достаточное внимание разъяснению идей кремации, а также той политической роли, которую будет играть вопрос о кремации в современной классовой борьбе. Союз безбожников должен считать пропаганду идей кремации одной из своих практических задач в деле содействия строительству социализма в нашей стране.

Как относится православная церковь к кремации.

Б. КАНДИДОВ.

Современные представители церкви любят говорить, что наука не противоречит религии, что религия и наука идут по одному пути. Выступая с подобного рода заявлениями духовенство сознательно обманывает своих слушателей.

Всегда и везде религия была тормозом для науки, всегда и везде религиозные организации выступали против тех открытий, которые делала научная мысль. Даже такие полезные открытия, как громоствод и применение хлороформы были объявлены попами «дьявольским наущением». По поводу громоствода, католическое духовенство заявляло, что «еретическая проволока» мешает проявлению божественного гнева, уменьшая его последствия. Известный итальянский физик Оресте Мурани указывал, что пользование громостводом лишь потому распространялось медленно, что церковь вела против этого упорную борьбу. Открытие хлороформа было объявлено «сатанинским открытием» еще в 1847 году. При этом духовенство указывало, что хлороформ не следует употреблять, так как он уменьшает людские страдания, предназначенные человечеству господом богом. Так, было каждый раз, когда кропотливый и упорный человеческий труд открывал одну за другой различные тайны природы.

Для характеристики реакционной, одурманивающей деятельности церкви показательнее ее отношение к сжиганию трупов.

В 1902 году, в Москве, предполагалось устройство чтений о кремации. Попечитель Московского Учебного Округа князь Н. Менцерский, как сообщает об этом «Вестник воен. и мор. духовенства» за 1903 год, обратился к харьков-

скому архиепископу Амвросию, впоследствии видному деятелю Союзу Русского Народа, с вопросом нет ли препятствий, с церковной точки зрения, на разрешение публичных лекций «о сожжении трупов».

Архиепископ Амвросий ответил князю Менцерскому письмом:

«Ваше сиятельство, князь Николай Петрович!

На вопрос, предложенный мне вашим сиятельством, могут-ли быть с церковной точки зрения одобрены публичные чтения о сожжении трупов, как о средстве предохранения заразы, честь имею сообщить следующее. Полагаю, что публичные чтения такого рода не могут быть одобрены с церковной точки зрения... Тело наше умирает естественной смертью во исполнение суда Божия, изреченного папшим прародителям, смерти умерши: и через погребение в земле оно предается естественному разложению в точное исполнение той же воли Божией: земля еси и в землю отыдеши. Посему, если умерщвление живого тела есть преступление, то и сожжение усопшего тела христианина есть по меньшей мере своеволие, противное воле Божией, которая иногда являет себя в нетлении телесных святых и чудодействиях чрез их останки. Сколько сокровищ веры и сосудов благодати лишилась бы православная Церковь и наша русская земля, если бы из христианской древности мог быть введен обычай сжигать тела усопших! И как нельзя между людьми живыми в настоящее время различить, кто из них праведник, так

нельзя узнать и между усопшими телами, чье тело мы назначаем к сожжению. Поэтому сожигание христианских тел должно быть признано делом кощунственным. Обычай сжигать умершие тела идет из древности языческой, когда еще люди не имели и понятия о санитарных условиях, и состояли в близком отношении к культу огнепоклонническому. Восстанавливать этот обычай во времена христианские может только наука, потерявшая идею о разумном и духовном значении предметов вещественных... Одна мысль о введении у нас обычая сжигать тела усопших ни одних простых людей, но и христиан просвещенных приводит в ужас и негодование.

Чтение о сожжении трупов без практического приложения мало имеет научного интереса; а о практическом приложении у нас,—можно думать из страсти к новизне или по безотчетному подражанию, во что бы то ни стало, западным учениям. По всему этому можно думать, что публичные чтения о сожжении трупов пользы не принесут, а дадут только полу-ученым говорунам материал для споров и глумления над добрыми христианами и обиду нам последним».

Главный мотив против сжигания трупов у архиепископа Амвросия сводится к тому, что благодаря кремации будет уничтожена возможность новых шарлатанств по части «обретения» мощей.

Это письмо архиепископа Амвросия было напечатано в ряде официальных церковных журналов и его возражения можно считать доводами православной церкви в целом.

КРЕМАТОРИЙ.

(Из дорожных впечатлений).

П. СЕВЕРНЫЙ.

Пригородный поезд. Протискиваюсь в тамбур, заполненный детьми, отъезжающими в экскурсию. Сутолока, шум, гам. Звонкие детские голоса звенят как колокольчики. Фигурки протискиваются в проходы.

Молочницы с бидонами, в грубых сапогах и с обветренными лицами, какие-то крикливые девицы в «телесных» чулках и «газовых» платьях заполняют весь вагон.

Сипит паровоз и плавно идет от дебаркадера. Поплыла вниз убегающая дорога, мелькнул семафор и потянулись дачи...

В углу вагона сидят два почтенных бородача и оживленно беседуют. Прислушиваюсь. Сухой старик, черный, как жук, оживленно жестикулирует и громко сетует на современные порядки:

— Дожили... — возмущенно говорит он собеседнику, седому, плотному в кофторке и очках, дяде. — Покойников-то теперь, говорят, в пещку как мусор, кидать будут... Вон «крематорий» какой-то строят.

— Милая! — театрально простирает он руки. — Да рази можно? Христиан-

скую душу-то? Да что-же теперь человек или скот? Вместо погребения прямо в печь сунули и тащи угольки обратно. Он громко сморкается и плюется.

Сосед качает головой и соглашается. — А, по моему, заразу неча разводить! — раздается бас с верхней полки... Стопанные ботинки свешиваются над головами сидящих на нижней скамье и безусый сухой рабочий свешивает голову.

Старик краснеет от гнева и не может найти слов для отпора.

Спусти несколько секунд он все-же вопрошает:

— Какую еще заразу?.. Человек-то откуда? Из земли, прах он... Пусть в землю и отойдет...

— А ежели холерный, тифовый, — говорит рабочий. — Схорони его—все же есть опасность заразиться, а сжег—кончено дело... Да опять-же нечего зря и место мертвым занимать, свалки для мертвых устраивать... Кладбище-то сколько в Москве? Десятки? А сколько земли они заняли? Лучше на их место скверы устроить, а мертвому все едино: хоть жги его, хоть в землю хорони...

— Земли мало? — иронизирует старик... — Голова ты садовая... Ты глянь вон, она кака Рассея-то... Нешто земли не хватит про всех?..

— Хватит-то, конечно, хватит, — соглашается рабочий, — если тундры взять да болота, а в городах-то нам каждый аршин земли дорог. Дома для рабочих, вон, на Яузе, в болоте строят, а тут лучшие и сухие места заняли... Надо о живых заботу иметь.

— Нет, не согласен с вами, милый, — ворчит старик, — не дело крематории заводить!..

— Мы дяденька, ходили в экскурсию, — вмешивается один ученик, — в Донской монастырь... Там крематорий то и есть. Пепел будут складывать в урну, которую там-же установят...

— Вот, видели?.. Сопляк, а туда-же лезет... Ох, и дожили! — негодует старик. Он жует сухими губами кончик бороды и обиженно смотрит в окно...

Поезд дает свисток. Приехали.

Вновь сутолока. Я еле вылезаю на платформу. Старик, поддерживая рукой холщевый мешок, семенит к станции. Накрапывает дождь.

Рассказ Б. БАХМАЧ.

Рисунки Г. ГОЛУБЕВА.

О такой удаче Салтык даже и не мечтал. Деньги и чемодан попали в его руки безо всякого труда. Пока поезд стоял у станции, Салтык не совсем был спокоен. Нет-нет, да и мелькнет мысль: «Эх! Не хватилась бы, старая дуреха, раньше времени!

Но сейчас, когда поезд гудел, где-то вдалеке, он, кроме сознания, что дело сошло на редкость счастливо ничего не ощущал и довольная улыбка кривила его рожу и думалось:

— «Ну и дуреха! Ну и ффраерша! пожалела архиреев на свою голову! И заверещит же, когда очуахается!».

Удивительная штука судьба человеческая. Всего неделю тому назад он, Салтык — «деловой» парень, чувствовал себя несчастнейшим человеком во всей подлунной. В наличности у него была только густая рыжая борода, отрошенная за трехлетнее пребывание на «Соловках» да ряса со шляпой, украденные на прощанье у отбывавшего наказание попа.

А главное он совсем не знал, с чего начать, за что приняться...

Конечно, у него был большой стаж вора „ширмача“. Но чорт бы дра! эти пролятые Соловки, — за три года все связи растеряны. Если поискать в Ленинграде среди „своих“ ребят, то приятели найдутся, в этом не может быть никакого сомнения, да поди ищи их по Ленинграду, еще на лягавых напорешься, а ему и въезд в столицы запрещен. Попадешь опять на „Соловки“ и свисти в кулак два-три года. Можно было бы начать работать, — на „Соловках“ приучили его слесарить, но разве подобная перспектива может улыбаться порядочному „ширмачу“.

— „Работать!“, — ворчал он вспоминая на-

путствие Соловецкого начальства, — „много вас советчиков-то! От работы лошади дохнут!“

Все положение ряса спасла, и ряса-то, в базарный день, — грош цена, да и слямзил-то он ее больше по привычке — плохо лежала, а ведь пригодилась и как пригодилась!

Билет ему в «Соловках» дали бесплатный и он до Петрозаводска, первого города по пути в Ленинград, доехал безо всяких приключений.

А вот в Петрозаводске... блестящая в голову мысль пришла. Для наивного «ффраера» в этой мысли не было ничего особого, но для делового «ширмача» это не мысль, а клад целый.

Слез он с поезда и зашагал к городу, с намерением на толчке рясу продать. Не оделал он и сотни шагов, как его точно осенило.

— «А что, если рясу не загонять, а на себя надеть?».

Он даже приостановился от неожиданной мысли и кругом оглянулся...

Редкие прохожие ни на Салтыка, ни на его рясу не обращали никакого внимания.

— „А что если рясу не загонять, а на себя одеть“.

Чуть не бегом Салтык на вокзал вернулся, забрался куда-то за дрова и ну рясу на себя напяливать. Длинна чуть-чуть, окаанная, ну да ни черта, сойдет. Вот шляпа, — так, как будто на него и куплена.

Напялил и опять на толчок. И удивительное дело, точно вместе с рясой, дух святой на него снизошел. Такое он успокоение и мир в душе почувствовал будто век свой попом был. И походка изменилась.

Не всегдашней своей волчей побейкой, а важно, чинно выступал Салтык.

Базар Салтыку — разлюбезное дело. Ходи да высматривай. Увидал что „ффраер“, увлек-

— «Они думают, бог-то все спустит! Нет шалишь, голубчик он все видит, все видит».

пись торгом, про карман забыл, и не зевай. Вид у него в прежнее время не внушал доверия, и иной раз еще и до кармана добраться не успеешь, а уже какая-нибудь бабенка оголтелая, шум поднимет на весь базар.

А теперь в поповском одеянии, да с густой бородой, кто в Салтыке вора признает?

Потолкался, потолкался по базару Салтык, видит в одной кучке что-то горячо разговаривают. Подошел. Пятипудовый купчина ораторствовал.

— «Кооперация! Да разве кооперация супротив частного моги? Я, к примеру сказать, не досплю, не досю, а уже товар соблюду. А кооператору што? Запер магазинишка и ну шлындать, где ни попало!»

Увидя подходившего попу, купчина еще больше приосанился и разговор перевел на божественное.

— «Да, и о боге, в кооперации не помнят, вон, сгорела кооперативка онадысь в «Никольщине», а все почему? Бога забыли! Мы то, бывало, прежде чем магазин запереть, богу помолимся, лампаду у образа затеплим. А им о боге и подумать-то не вдомек!».

Салтык почувствовал, что пришла пора вступить. Он махнул рукой и подвинулся к купцу ближе.

— «Бог! Да, что им бог, мил человек, — у них вишь ты Маркс есть! Они бога-то отменили».

Салтык подвигался к купцу все ближе, а так как широкая ряса скрывала движения, то его рука беспрепятственно лезла в оттопыренный купцев карман.

— «Они думают, бог-то все спустит! Нет, шалишь, голубчик, он все видит, все видит» и пока он договаривал «да не скоро скажет» — и кошелек, и часы перешли в его карман.

— «Ох, верно, батюшка, — поддакивал купчина, — несть скрытного от бога».

— «Уже на что вернее, мил человек, мы то, мил человек, мало ли что, по слепоте своей не замечаем, а у него батюшки все, все как на ладоне. Ну, прощайте, люди добрые, надо идти!».

И проповедник слова божьего важно зашагал дальше.

Уже булочки в порядочном расстоянии от базара, Салтык услышал дикий рев купчины:

— Батюшки, ограбили! Отцы родные, зарезали!

Кучка окружавшая купца начала превращаться в толпу, появился милиционер.

— Кто ограбил? Кого ограбил? — по начальнически строго спрашивал он.

— Да меня, меня! — вопил купчина, — бумажник вынули, червонцев на двадцать денег было, да часы срезали!

— Как же ты так разлопоушился? Кто был-то около тебя?

— Кто был, да все свои! Вот, батюшка разве. Да не полезает же батюшка в чужой карман!

— Батюшка! — наставительно промолвил милиционер, — да они, батюшки-то, первые жулики!

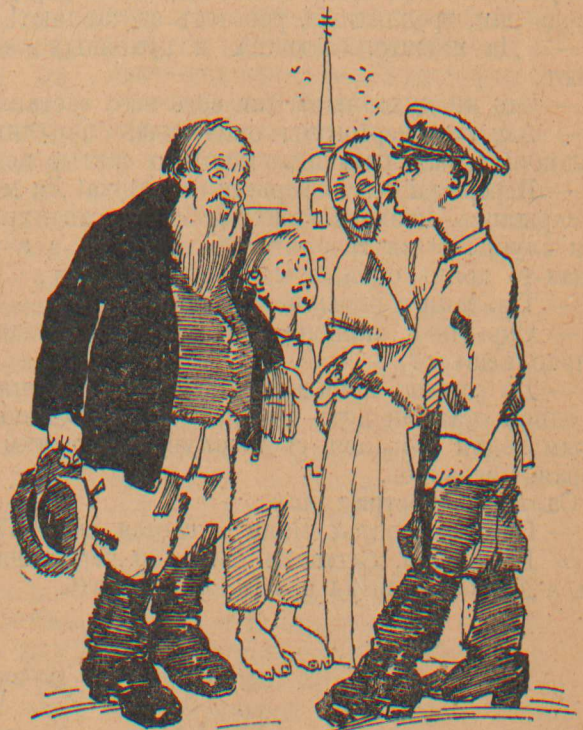
А Салтык в это время шел и весело ухмылялся: «Ори, ори, пуще! Бог все видит, да не скоро скажет».

Решив не задерживаться долго в Петрозаводске, Салтык переночевал на вокзале и, проштатавшись день по городу, к вечеру забрался в поезд.

В вагоне было не то, что тесно, но людно. Против него сидела какая-то старушенция, с молодым парнем, молчаливо сопящим носом.

Как только Салтык устроился против старухи, та так и заерзала по лавочке, уж больно ей с лицом духовным поговорить захотелось.

Еще поезд не тронулся, а она уж пропела сладеньким голоском:

— Батюшки, ограбили! Отцы родные, зарезали!

— Издалека, батюшка, следовать изволите?

Салтык, прежде чем ответить, вздохнул, поднял глаза к потолку, еще раз вздохнул и стараясь припомнить слова, которых он наслушался на Соловках от тамошних особ духовных, заговорил:

— Из узилища, матушка, из узилища! Слугами антихриста, для нас слуг господних уготованного.

Старуха даже покраснела от удовольствия — уж больно батюшка говорил боголепно.

— Откуда же это батюшка? Не вдомек мне старой и глухой.

— Из «Соловков», матушка, из вертепа божьего в вертеп разбойничий превращенных.

У старухи глаза так и забегали и поджилки да же затряслись от любопытства.

— Да неужто батюшка? Да за что же. Да как же?

Салтык горько усмехнулся:

— За что? За проповедь слова божьего.

— Ах, они разбойники! Ах, они антихристы! А?.. Отца святого, священника... Да как их бог-то терпит, мошенников.

Салтык говорил и сам себе удивлялся, откуда у него только, что берется.

— Бог матушка до времени все терпит. Он до гласа трубного терпеть будет.

— И много, батюшка, там вас, особ духовных, пребывать изволит?

— Довольно, матушка, вот как довольно! Сама посчитай: архиереев пять!

— Пять! — взвизгнула старуха.

— Иереев 18!

— Восемнадцать!

— Да дьяконов штук под тридцать...

— Тридцать! — старуха уже не визжала, а как-то сопела.

— И все сидят батюшка?

— Сидят? Да разве они, разбойники, дадут посидеть спокойно? Раньше, бывало, сел ты, скажем, в тюрьму и сиди честь-честью, пока не выпустят. А ведь они, треклятые, работать заставляют!

— Да неужто, батюшка, и духовных заставляют?

— Что им духовные? Как есть всех заставляют.

— Ах, они чертогоны окоянные, паралик их расшиби! А как, батюшка, мощи-то святые целы?

— Перерыли все, перерыли, матушка! Да мощи-то скрылись. Разве покажутся мощи антихристовым слугам? Они гробницы-то вскрыли, а в гробницах-то дрянь одна, а мощи-то скрылись.

— Так-таки и скрылись, батюшка?

— Скрылись, скрылись, матушка. А ты далеко направляешься?

— Да внучат повидать, батюшка. У меня тут на одной станции дочь выдана. Сынок вот по торговым делам собрался, скот закупать, а с ним и я, старая, увязалась.

Салтык наострил уши.

— Скот закупать? Поди кусается скот-то?

— Не говори, батюшка! Вот 100 червонцев ведем, а дай бог десятка два голов пригнать.

— И не боитесь вы, матушка, столько деньжищ с собой возить? Я и спрятать не знал бы куда такую сумму.

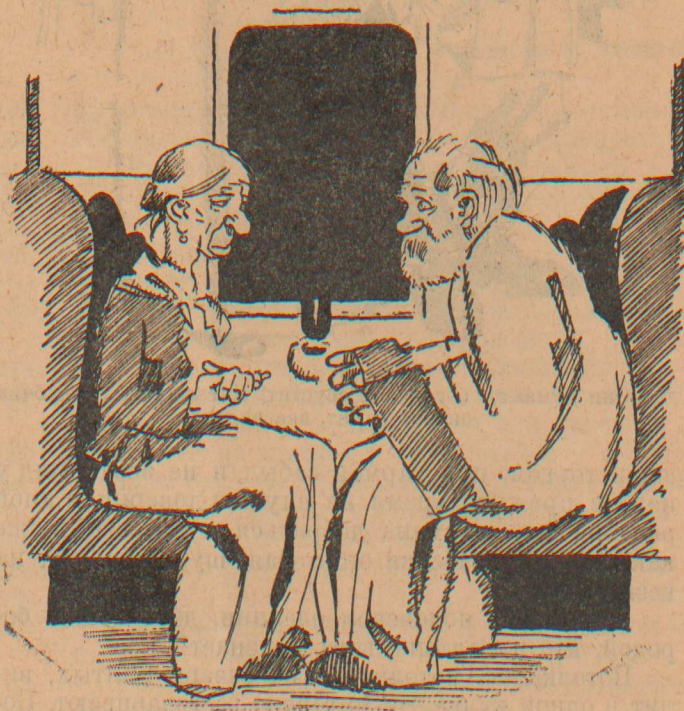
— Боязно, конечно, боязно, да что поделаешь? Я их за подкладочку зашила.

В вагоне публика деятельно готовилась к ночи. Поднимали лавки, стелили постели.

Демонстративно аевнув, Салтык перекрестил рот и промолвил:

— Оно, пожалуй, с богом, и на покой пора.

— Ложись, батюшка, ложись родимый. Чай сер-

— Издалека, батюшка, следовать изволите?—

дешному эти проклятые и отдохнуть-то не давали как следует. Да и я, грешная, на боковую думаю.

Время шло. В вагоне тускло мерцали свечи. Кругом слышался храп. Спал открыв рот парень, выводила носом рулады старуха. А Салтык в это время порол подкладку. Вот раздался свисток, замелькали огоньки станции, поезд зашипел и остановился.

Захватив по дороге чей-то чемодан, Салтык не спеша вышел из вагона.

Светало. В чемодане, открытом Салтыком, оказалось изрядное количество полезных вещей.

Деньги старухи и толстого купца чувствовались в кармане ряссы. Салтык ждал поезда и думал:

— А ведь, совсем не плохо в ряссе. Хотя бы и век ее не снимать... Для вора — штука очень удобная.

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИИ МАРИЙЦЕВ.

С. УРСЫНОВИЧ.

Марийский или черемисский народ живет по среднему течению Волги между Нижним и Казанью по обоим берегам, преимущественно по левому низовому. В настоящее время занятая им территория является автономной областью с главным городом Краснококшайском. Страна эта лесиста. Население ее занимается земледелием, пчеловодством, отчасти охотой.

Марийцы—одно из разветвлений финского племени. Некогда они представляли собою большой народ и обитали значительно южнее, повидимому, в бассейне реки Оки, откуда потеснили их частью русские, частью мордва, а с правого берега Волги на низовую сторону, чувашки. Марийцы были свободолюбивым народом. Когда под влиянием развития торгового капитализма, образовалось на Руси московское государство и началась завоевательная политика Москвы на востоке, русским царям пришлось упорно бороться с этим лесным племенем. Лишь во второй половине XVI в. уступили марийцы силе огнестрельного оружия. С этого времени начались для марийцев черные дни. Они стали объектом беззастенчивой эксплуатации со стороны чиновников, купцов и духовенства. Особенно отличалась по этой части пресловутая миссионерская „новокрещенская контора“, созданная правительством императрицы Анны Иоанновны в целях скорейшей христианизации и русификации народностей среднего Поволжья. Суровое царское иго нашло себе отображение в религии марийцев. Так, согласно одному старинному сказанию, их наиболее свирепые керемети или вадыши, т.е. черти, изображались обычно в полицейских (исправничьих) мундирах, другие, как, например, Макар-кереметь считались духами умерших кулаков.

И нет ничего мудреного в том, что этот отсталый народ, который до XIX века не знал даже трехполья и практиковал „подсечную“ систему земледелия, благодаря таким обстоятельствам прозябал в темноте и полной матери-

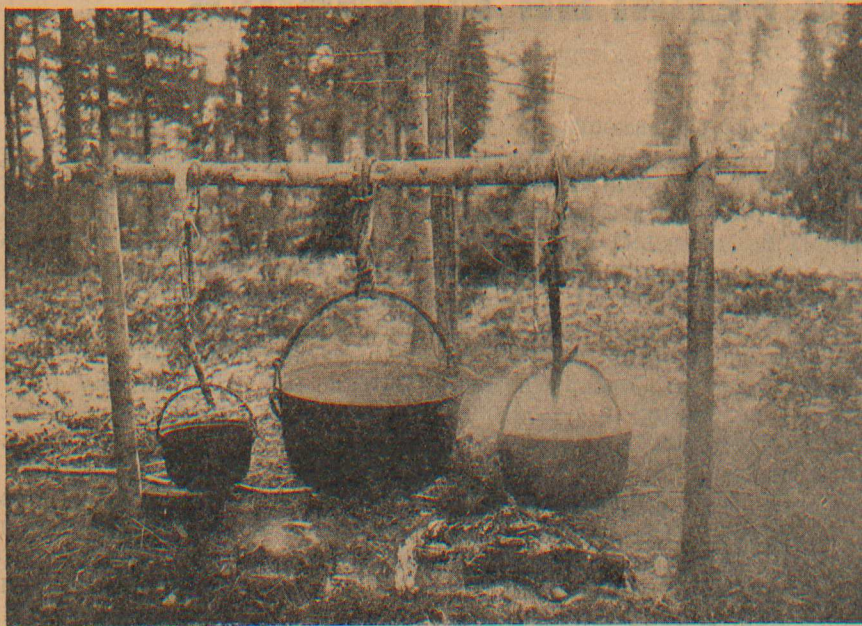
альной необеспеченности, а эти два условия как раз весьма благоприятны для процветания религии. К тому же и сами эксплуататоры были весьма заинтересованы в поддержании суеверий и предрассудков среди своих жертв. Религия марийцев представляла из себя до последнего времени пеструю смесь национальных верований с различными заимствованиями у христианства и ислама.

Древнейшая религия марийцев—анимизм. Вся природа, по их понятиям населена духами. Особым почетом пользуются души предков и покойников вообще. Подобно всем отсталым племенам марийцы не представляли себе смерти, как безусловного конца существования: по их представлениям покойник не только продолжал жить, но он мог и расти, если умер малолетним. Поэтому в гроб умершего ребенка клали веревку, вымеренную на рост его отца с пожеланием, чтобы дитя выросло до высоты своего родителя, причем приговаривали: „расти и будь хорошим работничком“. С девушкой клали свадебные наряды, чтобы она нашла себе на том свете мужа. На могиле покойника убивали его лошадь, клали его одежду, инструменты и ту постель, на которой он умер. Поэтому, всякий раз, когда замечали, что больному становится хуже, спешили вытащить из под него перину, матрац, одеяло и оставить его умирать на голых досках, которые бросить в могилу было не так убыточно. Первоначально в случае смерти домохозяина, ему оставляли все его жилище, а семья перебиралась на новое место. Позднее это жилище символически сменил гроб, причем положение туда трупа стало сопровождаться уверениями, что гроб—новое, очень удобное для него жилище. По покойникам полагалось устраивать тризну, где часть угощений оставлялась для умершего, так как думали, что он должен на ней присутствовать лично. Долгое время существовал даже особый магический обряд, стремившийся представить это

присутствие реально. Один из друзей покойного одевался в его платье и приходил в избу, стучал в дверь и на вопрос — «кто там?»,—отвечал, что это мертвец, пришедший потолковать в последний раз. Его сажали на самое почетное место, усиленно угощали и называли именем умершего, спрашивая, как живется ему на том свете. Такого рода «заместитель» покойного от его имени обычно отвечал, что он живет хорошо, но просил при этом время от времени делать на его могиле приношения и устраивать тризны. Затем начинались священные пляски и каждый из присутствовавших должен был протанцевать с этим заместителем умершего. В некоторых, более глухих местностях, подобные обряды у марийцев наблюдались еще в середине прошлого столетия. Из них наглядно видно, что первобытный человек представлял загробную жизнь сначала не в форме бессмертия души, а бессмертия самого умершего. Лишь впоследствии живого представителя заменила у марийцев при подобных поминках наряженная в одежды покойного кукла, затем его одежды и, наконец, уже дошли до представления, что мертвый присутствует на поминках невидимо. В этой форме религиозные представления марийцев ничем уже не отличались от христианских и православное духовенство охотно взяло их под свое покровительство тем более, что подобные тризны были церкви весьма выгодны.

Все духи, по мнению марийцев, делятся на добрых и злых. Добрые—это души предков. Они могут причинить вред только в тех случаях, когда потомки о них мало заботятся. Злые духи—«керемети» или «вадыши»—это души чужестранцев. Так, Киртни-кереметь, которого очень боялись космодемьянские черемисы, был, по их мнению, солдатом, потом дезертировал в Нижегородскую губернию и занимался там разбоем, а в конце-концов был убит толпой. Макар-кереметь — полурусского происхождения—кулак, путем надувательств оттягавший в одной деревне часть земли: ведя свою

Жертвенные чаши мари́йцев.

тяжбу с мари́йцами, Мака́р, пред-
ложил им спросить у самой зем-
ли, чья она? А сам посадил в
ямы, покрытые хворостом и зем-
лей, своих детей, которые на воп-
рос, чья земля, закричали «Мака-
рова». И тогда мари́йцы отступи-
ли от спорных участков. Но тут,
сообщает легенда, Мака́ра постиг-
ла беда. Его дети задохлись в
ямах прежде чем отец мог прийти
к ним на помощь. Мака́р отчаянно
затосковал, а вскоре и умер и сде-
лался с той поры особенно злым
кереметем. Керемети могли прини-
мать живые образы. Человека или
животное, которое возбудило со-
ответствующее подозрение, иногда
убивали. Когда однажды пустил
кто-то слух, что в роще одного се-
ления поселился кереметь, мари́й-
цы сожгли ее до тла. Однако, ча-
ще они предпочитали все же за-
искивать у кереметей и делать им
жертвоприношения.

Религия мари́йцев, между про-
чим, любопытна и тем, что наг-
лядно показывает переход от
культа предков к культу богов.
Киамат-таря, как называли ма-
ри́йцы христианского бога, а ино-
гда аллаха, в первоначальных ре-
лигиозных представлениях был
никто иной, как первый покой-
ник, старейший из умерших. Пер-
воначально ни ада, ни рая у них,
как и во всех первобытных рели-
гиях не было. Загробные страда-
ния объяснялись тем же, чем и
земные страдания: бедностью се-
мьи и слабыми приношениями на
могилу. Позднее, под влиянием
знакомства с христианством и в
особенности с исламом, у мари́й-
цев явились подобные же идеи.
Мусульманское представление об
Аль-сироте, узком, как лезвие
бритвы, мостике, по которому пе-
рейти в рай может только правед-
ник, преобразовалось у мари́йцев

в представление о переходе в за-
гробный мир по особой узенькой
перекладине над кипящими смо-
лой котлами, которую сторожат
злые духи, стараясь столкнуть
проходящего. В целях обеспе-
чения подобного перехода, мари́йцы
во время похорон устраивали ино-
гда перед могилой покойного по-
добные перекладины с рядом под-
вешенных к ним котлов с кипя-
щей смолой, полагая, что умер-
ший при помощи их заклинаний,
легче перейдет подобное загробное
испытание. Тот же «адский» ко-
тел часто фигурирует в религиоз-
ных сказаниях русского народа.

Помимо котлов, употребляемых
для целей посмертного испыта-
ния, в богослужебных обрядах
мари́йцев фигурируют еще «жерт-
венные» котлы, предназначенные
для варки мяса при совершении
тризн и для умиловливания злых
духов. На помещаемой нами фо-
тографии изображены три такие
котла. Это один из праявнов тех
священных чаш, которые в даль-
нейшем, по мере развития рели-
гии, обряда и жреческого сосло-
вия, комплектуются в целые сер-
висы священных сосудов. Приме-
ром последнего могут послужить
упоминаемые в библии священ-
ные сосуды, при иерусалимском
храме, дарохранительницы и ча-
ши для причащения, встречаю-
щиеся в христианских культах.
Подводя итоги тому, что было
сказано, мы должны признать,
что национально религиозные
представления мари́йцев, при
всей своей примитивности, таят в
себе зародыши положений, встре-
чающихся в религиозных систе-
мах так называемых культурных
наций.

Это обстоятельство проливает
свет на исторические корни рели-
гии вообще.

„БЕРЕКЕТ-БЕРЕСИ“

(Карачаевская быль).

А. ЧЕРНЫШЕВОЙ.

За сотни верст видна снеговая шапка красавца Кавказских гор—Эльбруса...

У его подножья лежат карачаевские аулы: Учкулан, Хураув и Куртджут...

А с перевалов, где на голых скалах приютились сакли карачаев Хураува, в ясный день видны, лежащие за сотни верст, долины Турции.

Когда мулла зовет правоверных на молитву, эхо гор уносит его резкий голос туда, к этим далеким долинам...

В беседах с местным торгашем Нахраковым эфенди (так называют здесь муллу) не раз говорил:

— Падает вера у правоверных. Трудно становится жить. У меня родственники в Турции. Они зовут меня к себе: там большие доходы. Уеду я туда.

А кулак „страшает“ правоверных:

— Платите больше эфенди, не то он покинет нас и уедет в Турцию.

Но, эта агитация не дает желательных результатов.

Сидят вечерами горцы-старики. Вот, Иммулат, еще Шамиля помнит. Никто не знает, сколько ему лет,—но, во всяком случае, больше ста.

Плохо говорит и сейчас Иммулат по русски, а полсотни лет назад он совсем не знал русского языка и тоже был тогда стариком, уважаемым всеми горцами Учкулана и Хураува.

Вспоминает Иммулат прошлое:

— Никогда нога гяура не ступала в сердце Карачая... И вот, однажды приехал к нам большой генерал. Много с ним казаков и много медалей у него и седло под ним украшено золотом, а лошадь у него чистокровная кабардинская. Говорит мулла:—„надо хорошо встретить этого генерала“...

Собрались мы все, велели молодежи резать баранов, готовить „арьян“ (кислое молоко в жидком виде, которое карачаевцы дают гостям пить вместо воды). Ждем гостя в Учкулане.

Приехал генерал (это был атаман отдела полковник Братков). Один только эфенди знал русский язык. Просим мы его поговорить с генералом, в гости его пригласить.

Ждем. Слез с коня генерал, стал на саклю и говорит:

— Проклятые! Не платите налогов, не служите царю и отечеству, да еще и преступников у себя по норам скрываете... Разорю я вас всех, негодяев...

Муллу молчит. Горцы думают, что генерал говорит что-нибудь хорошее, кланяются ему:

— Берекет—Бериси! (Большое спасибо!)

— О чем просить? Нет, шалишь! Теперь поздно! не прощу. Раньше бы думали. Сожгу аулы и всех вас мерзавцев перебью.

Молчит мулла, а горцы опять:

— Берекет—Бериси!

И много еще говорил „генерал“.

Обозлился, покраснел весь, машет кулаками в воздухе. А горцы отвечают свое:

— Берекет—Бериси!

Тов. А. И. Баранов (1) и тов. Урусов (2) с группой членов президиума Мало-Карачаевского Окрисполкома.

Кончил „генерал“ речь.

Подошли к нему девушки с арьяном. Самых красивых выбрали для такого большого гостя. Пусть валянет на наших красавиц гор и порадует.

Взял гость чашку, хлебнул и выплюнул. Бросил чашку на землю и повернул коня в сторону: уезжать будто хочет...

Старики просят его по своему, а мулла по-русски:

— Оставайтесь! Кунаком (гостем) будете...

— Всякой гадостью поите... Еще отравите!.. Не хочу!..

Просили, просили, не остался, уехал.

Муллу потом говорил нам, что из тифлисской тюрьмы бежал „большой преступник“—против самого царя согрешил и скрывался у нас в Карачае. Вот „генерал“ сам его разыскивать и ездил. Да так и не нашел.

Потом мулла говорит:

— Надо собрать „подарки“, а то плохо нам будет.

Что могут дать бедные карачаи?

Собрали больше сотни баранов, несколько пудов овечьего сыра и сливочного масла.

Муллу с двумя стариками и подарками поехали в Пашинку (г. Баталпашинск).

Там все было продано, мулла взял деньги, дал немного старикам, отправил их в аул, а сам вернулся только через неделю...

Куда делись деньги—никто не знает...

Еще через месяц уехал мулла в Турцию и больше не возвращался.

Там он купил себе дом, жену и жил богачем до самой смерти.

Перед отъездом, прощаясь с горцами, мулла рассказал им о том, что говорил ему „гость“...

Только подкупом якобы карачаевцы спаслись от разорения.

Когда Иммулат кончает свой рассказ, он поднимает руки к небу и говорит:

— Будь проклят этот эфенди! Шайтан он, а не мулла. Это он украл деньги у нас и обманул правоверных. Будь проклят и тот генерал с черной душой. Будь прокляты они вместе тысячу и еще тысячу раз...

— Будь прокляты!—говорят старики вслед за Иммулатом...

***

В г. Армавир, в Исполком, явились в 1918 г. делегаты Карачая: Хаджи Урусов, ныне член ВКП (б), и Магомед Ахачкаров.

Они привезли с собой древний документ: обращение графа Евдокимова, еще во времена войн за обладание Кавказом с горцами (в 1852—60 г. г.), к карачаевскому народу.

Граф Евдокимов знал, что не пройти ему в ущелье Уч-Кула, узкое и неприступное, что тысячи и многие тысячи людей лягут здесь, пока он дойдет до сердца Карачая и поэтому решил заключить мир с карачаевцами без войны.

Карачаевцам было обещано: в солдаты брать, их не будут, не будут трогать их жилищ; разрешалось им иметь свой сул и законы шариата.

Этого требовали карачаевцы и от Советской власти.

Но в центре было известно, что в Карачае уздени (дворяне) владеют лучшими пастбищами и землями, что остальной карачаевский народ находится у них на положении рабов, что от нищеты и голода горцы фактически находятся на пути к вымиранию.

Поэтому в Совете сказали депутатам: — Мы хотим сами услышать голос народа Карачая.

Долго не соглашались депутаты, но потом предложили:

— Пусть один большевик едет с нами... И Совет послал в Карачай т. А. И. Баранова, дав ему задание: организовать Советы в карачаевских аулах.

Снова старик Иммулат и мулла встречали „гостя“...

В сердце Карачая ходили слухи, что „большевики вышли из недр земли, у них длинные хвосты покрытые шерстью и по одному глазу во лбу“.

Это говорил мулла и все верили этому. Поэтому весь горный Карачай пришел в Учкулан посмотреть на „большевика“. Какого же было удивление, когда увидели горцы обыкновенного русского человека, каких они много раз видели до этого.

Мулла говорил речь, а Ачкаров переводил.

Вот, что говорил мулла:

— Русский большевик! Спасибо тебе за то, что ты приехал к нам. Мы принимаем тебя потому, что ты не будешь мешать нам жить так, как мы жили до сегодняшнего дня, не будешь мешать нам исповедать нашу религию, соблюдать наши обычаи и судиться по шариаду. Мы довольны своей жизнью и просим об одном—не мешать нам жить... Привет тебе от свободного карачаевского народа.

Но своими глазами видел „большевик“ из сотен собравшихся сытые рожки только у муллы и нескольких кулаков, видел бедные сакли и лохмотья у детей и на плечах горцев и поэтому не поверил мулле—этому союзнику царствовавшим в Карачае узденей (дворян).

— Хорошо. Я приехал узнать волю народа и передать ее в город.

— Берекет—Бериси!—Отвечали карачаевцы хором.

Больше недели прожил в сердце Карачая т. Баранов.

Он обошел много саклей самых бедных карачаевцев, слушал их жалобы, записывал в книгу и отвечал на все вопросы.

Переводчик Ачкаров не отходил от него ни днем, ни ночью.

К нему шли карачаевцы со своими нуждами и горестями.

Как ни старались мулла и уздени заставить молчать горян, ничего из этого не выходило.

На 7-ые сутки, перед отъездом, т. Баранов созвал митинг и здесь карачаевцы сказали свое слово:

Они выбрали Совет.

Советы были выбраны в Учкулане, Хурауве, Куртджуте и других аулах.

Куда ни ехал „большевик“, впереди него шла весть о нем и горцы тысячами выходили на дорогу, принимали гостя, приносили свои жалобы и выбирали Советы.

Мулла спрашивал у большевика: может-ли он тоже работать в Совете? И получил ответ:

— Твое, эффенди, дело—ведать делами небесными, а земными пусть управляют сами горцы...

— Берекет—Бериси!—откликались на это карачаевцы.

Обиделся эффенди и заявил, что не дает он благословения аллаха Советам и не будет им удача.

Не пожелали без помощи аллаха работать в Совете уздени и осталась там беднота горская.

***

Много ли лет прошло с тех пор?

Иммулат говорит, что мало, у него на руках больше пальцев, ибо здесь Советская власть утвердилась окончательно только с 1920 г.

Но мулла не проклинает уже большевиков, а поет что-то из корана о пророке „нищем из нищих“ и о том, что аллах—за власть бедняков...

Уздени частью бежали в Турцию, частью здесь сами ходят по скалам таулар (гор) и пасут качкар (овец).

1 Мая 1927 года был митинг в Учкулане.

Собрались все горцы. Пришли на митинг и горняки с красным знаменем, пионеры в красных галстуках и комсомольцы.

На этот раз не было ни муллы, ни переводчика.

Говорил на митинге карачаевец—большевик, на родном карачаевском языке

— Вам шлет привет Обком ВКП (б), орлы неприступных гор Кавказа!

— Яша сун, коммунист! (Да здравствуют коммунисты!)—кричали горцы.

— Вам шлет привет ЦИК Карачая—вами избранные товарищи!

— Яша сун, ЦИК Карачая!

— Скоро оживут ваши горы. Сюда в этом году приезжают несколько изыскательных партий инженеров и техников. Они установят, где у нас наиболее мощные залежи золота, серебра, свинца, меди, азбеста, угля и других богатств. Здесь будут открыты рудники, построены фабрики и заводы...

— Берекет—Бериси!

— Лучшие долины гор Карачая огдаются бедноте гор, которая получает и кредит на постройку домов...

— Берекет—Бериси!

— В ауле Калиномостовском будет ваша столица... Там вместо саклей строят многоэтажный дом для ЦИК'а Карачая и там будут все учреждения автономной области Карачая.

— Берекет—Бериси!

— Сотни тысяч рублей отпускает Москва из своих доходов Карачаю на строительство, на фабрики и заводы, на помощь горской бедноте.

— Берекет—Бериси!

Так уж принято у горцев: благодарить оратора после каждого окончательного им предложения.

Не было муллы на митинге...

Он там, одинокий, на своем минарете, смотрит на далекие долины Турции... Рядом с ним торговец Нахрацков.

У них обоих горе: перестают ходить в мечеть горцы, появились в сердце Карачая комсомольцы и пионеры, которые открыто идут против аллаха. Безбожники-коммунисты самые уважаемые люди среди карачаевцев. Доходы Нахрацкова падают изо дня в день, а кооперация жмет торговлю.

— Что ты скажешь, эффенди?—спрашивает торговец.

Молчит мулла...

— Как нам жить, скажи?

Но вместо ответа мулла показывает рукой на далекие долины Турции.

— Если нас отсюда пустят и если нас там примут...

— Что еще больше сказать?

По горным тропинкам, с красными знаменами шли карачаевцы из Учкулана в Хураув и пели „Интернационал“ на родном языке.

— Видишь?

— Вижу...

— Слышишь?

— Слышу...

И оба, и мулла и торговец, нырнули со стен минарета в мечеть и скрылись, чтобы не слышать слов боевого революционного гимна.

Иммулат тоже шел с демонстрацией.

Старик тихо шагал, опустив низко седую голову...

О чем он думал в этот день?

Не вставало ли перед ним прошлое и не сравнивал-ли он его с настоящим?

Карачай растет!

Карачай возраждается!

Карачай строится!

И все это без помощи аллаха. Все это—дело рук безбожников-коммунистов.

Авторитет муллы с его аллахом и пророками подорван делами и фактами, которые видят сами карачаевцы.

Какая же теперь сила сможет поднять его вновь?

Были вновь речи в Хурауве и снова несло по горам и долам Карачай:

— Яша сун, коммунист!

— Берекет—Бериси, коммунист!

1-е мая 1927 г. на ст. Невинномысской, Армавирск. окр. Сев.-Кав. края.

В станице Невинномысской в нынешнем году в день 1го Мая в отличие от «христианской пасхи» не было ни пьяных оргий, ни драк, ни других безобразий. После митинга были спортивные игры, вечером спектакль и кино

в Нардоме. Скачки джиги тов-казаков в поле, футбол на площади, бесплатные увеселения—все в этот день создало праздничное настроение хлеборобов, без попа, без русской горькой и самогона.

Корр. № 111.

В ГОРАХ ТАДЖИКИСТАНА.

(Воспоминания Н. МАЛЬЦЕВА)

После утомительных переходов по горным тропкам, нависшим над пропастями, по снежным перевалам, где холодный ветер, дующий со льдов, заставлял сильнее кутаться в шинель, мы к вечеру спустились в тенистую долину.

Здесь было тепло и мы приторочили к седлам свои шинели. Пахло тополями. Жадно вдыхали мы аромат хлопковых полей и садов. Тенью куталась дорога и лиловым заревом курились горные вершины.

Покачиваясь, в такт походной песни, в седлах, мы медленно въехали в пыльную улочку небольшого кишлака, который широко раскинулся на берегу горного ручья.

У мечети мы привязали коней. Там только-что окончен вечерний намаз¹). На терраске под густой чинарой сидели люди в длинных халатах и разноцветных чалмах и о чем-то возбужденно беседовали.

Когда мы подошли, они улыбнулись и оборвав беседу, поднялись со своих мест.

— А, селям алейкум, Аскар²).

— Малыкум селям³), — отвечали мы на приветствие. Красноармейцы, чувствуя добрую встречу, предстоящий сытный обед и хороший отдых, повеселели и обменялись с декханами улыбающимися взглядами.

Солнце последний раз позолотило снежные вершины, светлой тенью скользнуло по лицам и утонуло за острым гребнем хребта. Толпы темных и синих теней вышли из ущелий и расплзлись по долине.

— Садитесь товарищи! — пригласил нас седой старик в огромной белой чалме, и рукой указал на кошмы⁴) вокруг кучи дров, которые разжигали смуглые мальчишки-бачи в сандале⁵). Красноармейцы, устало потягиваясь, сложили винтовки козлами и сели вперемежку с жителями.

Бачи принесли от ручья чайдуши⁶) с водой и поставили их у огня. Сперва все молчали... Красноармейцы, указывали на горы, знаками старались дать понять, как труден был путь в горах и что басмачей отогнали далеко, далеко.

— Басмач улыба⁷)... понимали декхане и радостно улыбались, хлопая по плечам красноармейцев. — Басмач кетты⁸)... О, о, якши, якши⁹)...

Я сидел возле седого старика — аксакала⁴) и вглядываясь в бородатые лица, декхан старался разгадать их настроение. Что-то тревожное и неразрешенное читал я на их лицах. Некоторые из них были даже мрачны и совсем не ласково смотрели их глаза из-под нахмуренных бровей. По богатым одеждам я определил кто они. Особенно мрачным

и почти злым мне показался один из них. Вспыхнувший костер осветил его иссиня черную бороду, что спускалась почти до пояса и глаза, блестящие необычным огоньком. Они прямо смотрели на меня и в них я чувствовал какую-то угрозу.

Я обернулся к аксакалу и заглянув в его добрые, но строгие глаза, спросил, коверкая таджикский язык:

— Скажи, бабай⁵), о чем так много спорили после молитвы? Или дурные вести вам принесли откуда?

— О, нет, ашно⁶)! Плохих вестей никто теперь не приносит. Приказ есть Кента⁷). Школу устроить надо! — ответил аксакал и задумчиво опустил на грудь голову. Сидевший рядом с ним худой и высокий декханин, прислушивавшийся к нашему разговору, вдруг оживился и, повернувшись ко мне, быстро заговорил:

Кишлачная мельница в Таджикистане.

— Да, да, школу, бача⁸) учить. Мечеть плохой другой есть. Мулла не дает Биссер⁹), злой будет, худо!

Я понял в чем дело.

Когда подъезжали мы к мечети, то рядом с крепким еще зданием я заметил покривившуюся черную кибитку, наверное, старую мечеть.

— Почему не дает, — спросил я, — ведь, вас много, за вас Советская власть! — Я сказал это слишком громко и разговоры по другую сторону круга прекратилась.

Человек с синей бородой видимо слышал все. Его короткое, грузное тело, казалось, надвинулось совсем близко и глаза вращались в орбитах, словно хотели выпрыгнуть. — «Мулла... мулла... порывисто шепнул мне аксакал и стал глядеть куда-то

¹ Намаз—молитва.

² Селям-aleyкум—здравствуйте!

³ Малыкум селям—здравствуйте!

⁴ Кошма—ковер.

⁵ Сандал—углубление в полу.

⁶ Чайдуш— чайник.

⁷ Басмач улыба—разбойник пропал.

⁸ Кетты—ушел.

⁹ Якши—хорошо.

⁴ Аксакал—староста.

⁵ Бабай—старик.

⁶ Ашно—приятель.

⁷ Кент—ВИК.

⁸ Бача—мальчик.

⁹ Биссер—очень.

в сторону. Сделалось как-то неловко. Мулла поднялся и, строго оглядев всех, заговорил.

Голос его дрожал и был неровный.

— О, что я слышу... Может ли Советская власть попирает религию чужого народа и наши мечети превращать школы. Дерзнет ли она обрушить великий гнев аллаха на наши седины? Кто осмелится подменить законы веков.

Подавленные строгой торжественностью его голоса, молчали декхане и, потупив глаза, нервно перебирали у себя на коленях пальцами.

Лишь высокий декханин осмелился:

— А зачем, таксыр¹⁾, старая мечеть аллаху? Ведь, учишь же ты в ней наших детей да и то лишь законам Шариата²⁾. А Хакумат³⁾ научит их многому.

— Ты глупец, ты говоришь глупые слова! Бесчестить святое место — несмываемый грех и позор для мусульман. Проклятие тому, кто посмеет думать об этом, — бросил мулла еще сдерживая свой гнев.

— А все же школа нужна, — тихо проговорил аксакал и нагнувшись ко мне прошептал: — Мулла злой. Он за одно с баями, а баев бояться бедняки, — однако, далеко не так, как при Эмире... Горе и то, говорят, в этом мире не вечны.

Разговор умолк.

Костер горел широко, бросая кровавые отблески на сосредоточенные лица декхан и мрачные стены мечетей.

Скальной грудой врезался в звездное небо короткий минарет⁴⁾ с черными щелями в боку.

Кроны деревьев шептались в полудреме друг с другом. От подножий гор донесся вой шакалов.

В чайдушах закипел чай. Мальчики принесли из кибиток груды похожих на блины лепешек.

Между красноармейцами и декханами вновь завязался оживленный разговор, но говорили уже о другом.

Было поздно, когда подложив под головы винтовки заснули утомленные бойцы.

¹ Таксыр — господин.

² Шариат — религиозный закон.

³ Хакумат — Советская власть.

⁴ Минарет — башня.

Собрание сельсовета в Гиссарской обл.

Прощаясь со мной длинный и худой декханин сказал:

— Приезжай в другой раз, ашшо, согласишь нашу школу.

Прошел с того вечера год... Как-то проездом спустился я с перевала в знакомый кишлак... Был жаркий полдень... Подъезжая к мечетям я был приятно удивлен. На крепком здании красовалась вывеска «Декханская школа 1-й ступени».

Рядом по-прежнему стояла старая теперь еще более покривившаяся мечеть.

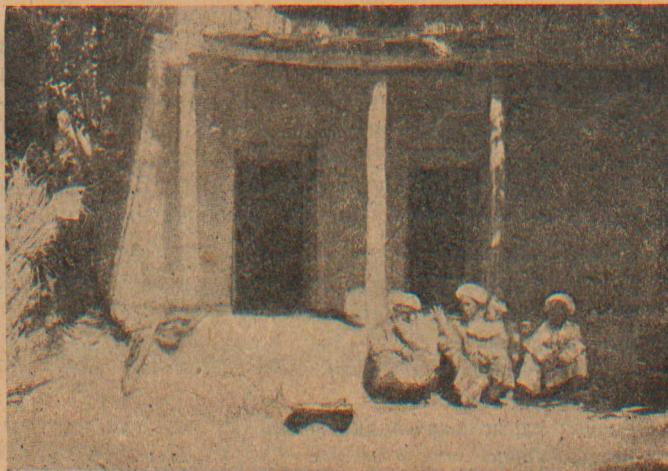
— Здесь хозяин мулла, а там Хакумат — учитель, — объяснил мне улыбающийся проводник из местных жителей. И добавил: — Только теперь в мечеть совсем мало кто заглядывает, скучно у муллы, да и сыро, того гляди все рухнет. Как ни стараются мулла, ничего не может сделать. Никто ему не помогает, перестали его слушать совсем. Хакумат лучше... учитель говорит скоро чайхану откроет, будет где коротать время.

Навстречу нам бежали веселые мальчики с красными галстуками.

БЫТ ДЕКХАНИНА

Во дворе.

Беседа.

Ячейка С. Б. Артамоновского трамвайного парка (Москва), одна из первых откликнувшаяся на призыв Центрального Совета о сборе в фонд самолета.

Строй самолет „Безбожник“

В дни, когда мирному строительству СССР грозит опасность, когда международная клика, типа Чемберлен и К°, пытается затеять новую мировую войну и в ее крови потопить молодую республику советов, — в эти дни, безбожники, вместе со всеми трудящимися СССР, должны быть на чеку.

Наши агитаторские силы, наши очередные собрания и вечера, наши художественные выступления, — все это должно быть связано с вопросами обороны страны.

Мы должны поднять самую широкую кампанию по разъяснению трудящимся массам предательской роли церкви и религии в предстоящей войне. На фактах недавнего прошлого нужно наломать рабочих и крестьянам, как бешено боролась церковь в годы гражданской войны с Советской властью и как в империалистической войне она «с пеной у рта» вела солдат в бой «за веру, царя и отечество».

Нужно вскрыть перед трудящимися смысл елейной проповеди сектантства «о мире и любви к человеку — брату». Нужно показать, что эти «братцы во христе», хотя бы они того или не хотят, но, отказываясь брать винтовку в руки, они объективно ведут к гибели нашу молодую республику советов.

Наконец, являясь одной из секций международного безбожного движения, мы должны потребовать от Интернационала пролетарских свободомыслящих, объединяющего свыше ста миллионов безбожников Западной Европы, чтобы и он поднял голос протеста против готовящегося нападения.

Но этого всего мало. Нашей агитационной работе должна сопутствовать и практическая работа. Вместе с советскими, профессиональными, кооперативными и общественными организациями, мы дол-

жны посильно участвовать в материальной помощи делу обороны страны.

Что может сделать в этом направлении Союз Безбожников?

Первое, самое существенное, — это участие в постройке воздушного флота.

Центральный Совет Союзов Безбожников объявил уже сбор на постройку самолета, который будет носить название «Безбожник».

Местным организациям С. Б. и всем безбожникам надо всячески поддержать это начинание.

Сборы на самолет «Безбожник» должны превратиться в большую агитационную кампанию. Нужно устраивать доклады, митинги, вечера, посвященные этому вопросу. Нужно дать специальное приложение к местным газетам. Нужно выпустить значки, жетоны и обложить членов ячеек С. Б. специальными отчислениями. Нужно пустить подписные листы и использовать систему вызовов через газету «Безбожник».

Нужно поставить дело так, чтобы к 10-летию Октябрьской революции (что вполне возможно) самолет, построенный на средства безбожников, был готов.

Первые шаги говорят об успехах.

Спустя несколько дней после объявления кампании, Ц. С. С. Б. получил уже не одну сотню рублей.

Поступления все время растут. Жертвуют ячейки, жертвуют советы, отчисляют с заработка служащие, присылают и отдельные безбожники. Живот откликнулись подписчики газеты и журнала.

Начатое дело нужно довести до конца.

Безбожник! Строй самолет «Безбожник»!

Ф. Олещук.

ЛЮБУЮ КНИГУ

новую, редкую, распродан. по технике, медицине, сел. хоз., ремеслам и др. вопросам. Высылает немедленно. нал. платеж.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

"НАУКА и ЖИЗНЬ"

Москва 19, Водяниженка, 46.

Фирма сущ. с 1905 г.

ПЕСЕННИКИ

СЕРИЯ из 4-х книжек—24 к. При заказе от 2-х рублей пересылка **бесплатно**.

Продавцам скидка.

Москва, Центр, Политехн. Музей, пом. № 116, автору Л. Г. ЛЕРУ.

ПОЛОВОЙ ВОПРОС

Проф. А. Фордэль. Полный перевод с немецкого д-ра Цуккер. Том 1 и 2 большого форм., 344 стр. Ц. 4 р.

ОНАНИЗМ. Проф. Роледер. Его лечение, распознавание и предупреждение. Ц. 2 р.

ПРОТИВОЗАЧАТОЧНЫЕ СРЕДСТВА. В современ. научн. освещении. Проф. Губарев и Селицкий. Ц. 1 р. 70 к.

ГИГИЕНА ЖЕНЩИНЫ, УХОД ЗА ЗДОРОВЬЕМ и КРАСОТОЙ. Д-р Дембская. Цена 1 р. 50 к.

ПОЛОВАЯ ХОЛОДНОСТЬ ЖЕНЩИНЫ. Д-р Якобсон. Определение половой холодности, Классификация форм половой холодности. Психология полового влечения у женщины. Физиология полового акта у женщины. Патология полового акта у женщины. Причины половой холодности. Последствия половой холодности. Лечение половой холодности и т. д., 2-е издание с 23 рис. Ц. 2 р. 25 к.

ФИЗИОЛОГИЯ и ПАТОЛОГИЯ ПОЛОВОГО АКТА. Проф. Роледер. Нормальный половой акт. Злоупотребления половым актом и их последствия. Прерванное совокупление. Ненормальный половой акт вследствие патологических изменений и т. д. Ц. 2 р. 50 к.

Все книги издания 1927 года.

Заказы исполняются немедленно, наложенным платежом:

Москва, 1, М. Бронная, д. 6/Б.

Книжный магазин

Г. А. БАСОВА.

Проф. Г. ВАН-ЛУН АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

в 2-х больших томах. (500 стр. больш. форм.) с многочислен. иллюстр. Перевод с последнего англ. издания, разошедшегося в кол. 1.000.000 экз. ЦЕНА за 2 ТОМА **4 рубля.**

ТАКЖЕ ЛЮБУЮ КНИГУ,

на старую так и новую в 3-дневный срок выслать наложен, платежом.

Заказы, запросы, деньги адресовать: Москва, Центр, Политехнический Музей, пом. 116/б.

"Культура и знание". При посылке денег вперед, пересылка бесплатно, можно марками.

ПО ПОЛОВОМУ ВОПРОСУ

и истории развития любви и общедост. труд Вильгельма Бельше

Любовь в природе

Цена **2 р. 50 к.** с перес.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ: Москва, Никольская, 17/19, книжный склад **"КНИГОСБЫТ".**

ВСЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Высл. заказ. бандеролью по получении денег (не менее 1 рубля) — Детские переводные картинки высшего качества и разные цветные листы для вырезывания и склеивания по 10 к. за лист, наклепные картинки (в листе 19 рисунков) по 20 коп. за лист, палитра красок "Малютка" — 5 коп. (9 красок с золотом), цветные карандаши 12 штук — 40 коп., 6 шт. — 20 коп. Любая детская книга и игра по запросам, ОПТОМ скидка. АДРЕС: Москва, 19, Водяниженка 13, артель **"МАЛЮТКА"** При запросах прилагать открытку для ответа.

К ПРАЗДНОВАНИЮ 10 летия Октябрьск. Революции

предлагаем патентованный агитфонарь с диапозитивами на революционные темы. Фонарь одновременно является полезным в домашнем хозяйстве.

Требуйте бесплатно

Коспекты Бюро **"Почто-Посылка"**, Москва, Центр, Покровка, 16/8, почт. ящик № 994.

НЕСМЫВАЕМАЯ ЖИДКАЯ КРАСКА для бровей, ресниц, волос и усов

ХНА-БАСМОЛЬ

провизора М. Липец

Моментально окрашивает в любой цвет, ничем не отличающийся от натурального. Не смывается мылом в течение м-ца. Не пачкает лица и платья. Безвредна. Разрешена Мосздравотделом. Способ применения прост. Высылается почтой наложенным платежом. При выписке нескольких флаконов за пересылку не платят. Цена кор. для бровей на год — 2 р. 50 к., полуг. 1 р. 50 к. Краска для волос — 3 р.

ВНИМАНИЕ! ТРЕБУЙТЕ КОМПАКТНУЮ ПУДРУ ВСЕХ ЦВЕТОВ: пуш.-бронет, рашель № 1 и № 2, загар № 1 и № 2, натурель, розовая и белая. Цена коробки 1 руб.

Москва, 34, Гагаринский пер., д. № 23, кв. 36/12. Пров. М. Липец.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

МОСКВА, Новая площадь, 6.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

ШЕЙНМАН, М. Бог служит богатым. Беседы о религии. („Библиотека крестьянской молодежи"). Под редакцией Агитпропа ЦК ВЛКСМ. 48 стр. Цена 12 коп.

МУРИН, Н. Ячейка против бога. 36 стр. Цена 15 коп.

Клуб против церкви. Пособие юношеским и комсомольским клубам по антирелигиозной пропаганде. Под редакцией Агитпропа ЦК ВЛКСМ. 116 стр. Цена 50 коп.

ВОЛЖСКИЙ, А. Рождественская вечеринка. Сборник материалов для проведения красной комсомольской вечеринки. 80 стр. Цена 25 коп.

Чтения о рождестве. Сборник под редакцией Агитпропа ЦК ВЛКСМ. („Библиотека крестьянской молодежи"). 34 стр. Цена 12 коп.

МАЙОРОВ, И. Ильин день. 20 стр. Цена 25 коп.

День Ивана Купала. 20 стр. Цена 18 коп.

ЗОРИЧ, А. Чудо в Калиновке. Девушка была. 24 стр. Цена 5 коп.

Земля Советская. Чтец-декламатор для деревни. Под редакцией Сокольников, М. П. 280 стр. Цена 1 руб. 50 коп.

Под гармошку. Тысяча частушек. Частушки: комсомольские, пионерские, профсоюзные, выборные, женские, про любовь, электрификацию, радио и другие. 5-ое издание. 142 стр. Цена 35 коп.

В провинцию заказы высылаются наложенным платежом.

ОРГАНИЗАЦИЯМ СКИДКА.

При высылке всей суммы заказа вперед пересылка и упаковка за счет Издательства. Заказы до одного рубля высылаются лишь по получении стоимости заказа вперед (можно почтовыми марками).

КАТАЛОГИ, БЮЛЛЕТЕНИ, ПРОСПЕКТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕСПЛАТНО

Требуйте проспект **"В помощь летней работе комсомола и юных пионеров"**.

Изучайте бухгалтерию и кооперацию по специально изданным 40 лекциям и пособиям. Требуйте БЕСПЛАТНО систему заочного обучения. Сталинград, почт. ящ. № 37. Инструктору А. П. ХРЕНОВУ.

Ликеры, ром, коньяк

настойки и наливки.

Каждый приготовит **бодки** растворив **ТАБЛЕТКИ**

Высылается набор на 12 бут. по получении перебода 3 р. 60 к. или наложен. платеж. **ОПТОМ скидка**

сам из **русской** в ней ароматические **"Bon gout"**

Мох. или лабор.
И. П. Дагабет
Москва Солянка д. 1, пом. 31.